

нал, стало уже поздно. Его болезнь, как безжалостный механизм, пущенный в оборот, работает против него. В конце рассказа Семенчик умирает. Таким образом, мотив дыма в рассказе Неустроева обращен и к теме смерти.

Мотив дыма (тумана) в прозе Тургенева связывается с областью иррационального, непознанного и, может быть, непознаваемого вообще. Но, в целом, как у Тургенева, так и Неустроева, образ дыма отражает сложность положения человека в окружающем его мире.

Таким образом, многозначность слов, разнообразие мотивов и символических образов И.С. Тургенева и Н.Д. Неустроева имеют схожие черты. В повествовательной ткани рассказов Тургенева и Неустроева преобладают мотивы разрушающего характера. Из них мотив дыма (тумана) относится к иррациональной стихии. Большинство вышерассмотренных мотивов по их семантической структуре приводят к гибели героя. Склонность к иррационализму приближает поэтику Неустроева к поэтике Тургенева.

Художественные детали Неустроева и Тургенева способствуют созданию определенной атмосферы изображаемого, углубляют психологическую характеристику, подготавливают развязку сюжета, проявляют глубинный подтекст. Прозаические произведения Тургенева и Неустроева содержат мощный поток слов-символов, слов-загадок, слов-знаков, которые несут дейст-

венную энергетику. Поэтическое соображение миропонимания Н.Д. Неустроева с художественным объектом его изображения бессознательно вбирает в себя традиции И.С. Тургенева, гармонически сочетая индивидуальное начало с традиционным.

Литература

1. Бурцев А.А., Скрябина А.М. Диалоги в едином пространстве мировой литературы: международные связи якутской литературы. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. – 145 с.
2. Андреева Г.Т. К проблеме русско-якутских литературных связей // Вестник ЯГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – Т. 5, №1. – С. 55–60.
3. Ефимова Е.М. Пейзаж в «Записках охотника» Тургенева // Ю.В. Лебедев «Записки охотника» И.С. Тургенева: статьи и материалы. – Орел, 1955. – С. 271–273.
4. Неустроев Н.Д. Родному краю, любимому народу: пьесы, рассказы, очерки, перевод, стихи, письма, документы. – Якутск: Бичик, 1995. – 336 с.
5. Тургенев И.С. Собрание сочинений. Записки охотника. – М.: Гослитиздат, 1961. – 329 с.
6. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста. – Тула, 1990. – 298 с.
7. Барсукова О.М. Мотив тумана в прозе И.С. Тургенева // Русская речь. – 2002. – Ч.3. – С. 21–29.

Поступила в редакцию 04.03.2013

К 120-летию со дня рождения В.В. Маяковского

УДК 821.512.157

Окказионализмы в творчестве В.В. Маяковского

(К вопросу изучения проблемы)

А.П. Осипова

До настоящего времени личность Маяковского вызывает немало споров среди критиков, исследователей его творчества, просто почитателей его таланта. Поэтическое дарование Маяковского в значительной степени концентрируется на его новообразованиях. Преобразовательская, открыто демонстрируемая работа поэта над языком сделала его наследие предметом систематических наблюдений в трудах исследователей.

Ключевые слова: словообразовательный процесс, выразительные средства языка, неологизм, окказиональное слово.

Hitherto the person of Mayakovsky causes many controversies among critics, researchers of his work and just admirers of his talent. The poetic gift of Mayakovsky is immensely concentrated on his innovations. Modifying, openly demonstrated work of the poet over the language made his linguistic heritage the subject of systematic observations in the works of scholars.

Key words: word formation process, expressive means of language, neologism, nonce-words.

19 июля этого года исполнилось 120 лет со дня рождения советского поэта Владимира Владимировича Маяковского, поистине легендарной фигуры в русской литературе. Сегодня официозного восхищения в качестве трибуна революции он уже не вызывает, но, отдавая дань таланту Владимиру Владимировичу, мы не должны рассматривать его творчество вне контекста той сложной и трагической эпохи, продуктом которой был поэт. Это важно помнить, чтобы не уподобиться тем, кто превращал на протяжении многих десятилетий писателей (поэтов) советской эпохи в пропагандистов. Особенно когда речь идет о художниках такого масштаба, как Владимир Маяковский.

До настоящего времени личность Маяковского вызывает немало споров среди критиков, исследователей его творчества, просто почитателей его многогранного таланта.

Отмечая юбилей поэта, нельзя не вспомнить (упомянуть) слова самых проницательных его читателей-современников, а для нас самых авторитетных судей в поэзии – О. Мандельштама и М. Цветаевой. О. Мандельштам включал Маяковского в число тех русских поэтов, которые даны нам «не на вчера, не на завтра, а навсегда» [1]. М. Цветаева считала, что Маяковский – поэт не только своего века, она писала: «Своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать» [2].

Поэтическое дарование Маяковского в значительной степени концентрируется на его новобразованиях. С.И. Гиндин в предисловии своей статьи «Маяковский: стих, синтаксис, стиль» пишет: «Лингвистике повезло с Маяковским. Преобразовательская, открыто демонстрируемая работа над языком сделала его творческое наследие неисчерпаемой кладовой и естественным полигоном для языковедов» [3]. Действительно, творчество поэта неоднократно становилось предметом исследования многих отечественных лингвистов и литературоведов. До сих пор не утратили актуальности труды исследователей, таких как З.С. Паперный, Ф.Н. Пицкель, Н.И. Калитин, И.В. Гуторов, В.О. Перцов, В.В. Тренин. Одной из первых работ о языке Маяковского является книга классического исследователя Г.О. Винокура «Маяковский – новатор языка» [4], которая стимулировала исследования, обращенные к активному новаторскому началу в русской культуре (и, в частности, в русской поэзии). Наблюдения профессора Винокура Г.О. над языком Маяковского активизировали интерес исследователей к «грамматике поэзии», в частности в ее словообразовательных процессах. Автор подчеркивает своим заглави-

ем работы, что Маяковский был именно новатором языка, а не только новатором стиля. Данную работу исследователь языка Маяковского М.Л. Гаспаров называет «первопроходческой» и подчеркивает, что «Писать об идиостиле Маяковского и легче, и труднее, чем об идиостиле любого поэта. Легче, потому что первопроходческая работа здесь уже сделана, а труднее, потому что теперь от исследователя можно требовать больше точности и подробности, чем на первых порах». Гаспаров М.Л. в своей работе «Владимир Маяковский» исследует весь состав выразительных средств языка Маяковского; во-вторых, опираясь на подсчеты, показывает их место в общей системе; в-третьих, обращает внимание на эволюцию этой системы от раннего к зрелому творчеству Маяковского. Материалом были взяты: для раннего Маяковского – поэма «Облако в штанах» (1914–1915), все 450 стихов; для позднего Маяковского – поэма «Владимир Ильич Ленин» (1924), первые 450 стихов. В заключении автор делает выводы: из всех рассмотренных выразительных средств языка Маяковского наиболее употребительными являются: 1) метафора: 35–28 раз на 100 строк; 2) метонимия: 18,5–8 раз на 100 строк; 3) неологизмы: 14–9,5 раз на 100 строк. Гаспаров М.Л. отмечает функцию окказионализмов Маяковского – делать образ мира динамичнее, часто – гиперболичнее; подчеркивать недостаточность старого языка (словаря) и широту, богатство нового. Он же утверждает, что одна из самых ярких примет языка Маяковского – это неологизмы или, точнее, окказионализмы [5]. К этому следует отметить, что термин «окказиональное слово» предложен Н.И. Фельдман в статье «Окказиональные слова и лексикография» [6].

Продолжая надо уточнить, что окказиональный (англ. *Occasional*, нем. *Okkasionell*) – не узальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления [7]. Окказионализмы – это речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае; создаются специально, нарочито, всегда «привязаны» к определенному контексту, ситуации, понятны на фоне данного контекста, ситуации и той модели или единичного образца, которые послужили базой для их создания. Окказионализмы обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности на фоне канонических, нормативных образований.

«Под окказиональным словом я разумею сло-

во, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной, — пишет Э. Хан-Пира, — подобно потенциальному слову, окказиональное слово есть факт речи, а не языка. Точно так же я понимаю и окказиональную форму слова (например, формы единственного числа у существительных, не имеющих в языке этих форм: ср. у Маяковского *щипчик, брюка* и др.)» [8]. Он же в статье «Метафоричность окказионального слова» ставит вопрос: может ли окказиональное слово уже в момент возникновения обладать метафоричностью? Ведь метафорическое значение возникает в итоге переноса названия одного предмета (предмета в широком смысле, предмета как объекта мысли) на другой предмет, сходный с первым по форме, по функции или связанный с ним ассоциациями. Автор приводит в пример окказионализмы Маяковского: «...не летим, а *молнымся*» («150 миллионов»), «*Обфренчились* формы костюмы ладного» («Дачный случай»), «То розовым, то голубым *акварелит* небо хрусталик Араратика» («Пятый Интернационал»), «Публика сидит и тихо *шейдеманит*» («Мистерия-буфф, 2-й вариант» и т.д. Переноса названия нет. Далее автор статьи утверждает, что окказионализмы могут быть метафоричны. Но каким образом? Метафоричность окказионального слова порождается не переносом названия, а употреблением производящей основы как обозначения объекта сравнения, уподобления. Далее автор задает следующий вопрос: Каждое ли окказиональное слово метафорично? И отвечает, что нет, не каждое. А для примера использует у Маяковского *иззахолустничается* («Мрак») в значении «превратится, сделается захолустьем» (ср. *истрепаться*). Здесь основа слова *захолустье* употреблено не как название объекта сравнения. *Пересоперничать* («Как я ее рассмешил») употреблено в смысле «победить в соперничестве»; *сеятьба* («150 миллионов») как синоним (ср. *молотьба, косьба*) [9]. Таким же образом многие лингвисты в своих исследованиях иллюстрируют окказионализмы Маяковского.

Окказиональные слова отличаются от новообразований языка (неологизмов) тем, что сохраняют свою новизну, свежесть независимо от реального времени их создания. Неологизм (от греч. *Новый* и *слово*) — это слово, значение слова или словосочетание, недавно появившиеся в языке. Неологизмы создаются в языке по продуктивным моделям, по образцу существующих уже в языке слов. Они довольно скоро перестают восприниматься как новые слова, новизна их

со временем стирается. В отличие от них окказионализмы не становятся фактами общенародного языка, а живут лишь в том контексте, который их породил. Окказионализмы, даже давние, рожденные в прошлом веке и ранее, по-прежнему дышат свежестью и новизной.

Признанный знаток и исследователь поэзии Маяковского В.Тренин в своей работе «В мастерской стиха Маяковского» отмечает, что словообразования Маяковского всегда имеют целью удвоить смысловую энергию слова, нагрузить его новыми значениями, сделать его более стремительным, ярким, запоминающимся. Обращение к окказионализмам помогают прежде всего поэту добиваться большего лаконизма поэтической речи, ее выразительности, высказать в лаконичной форме и свое отношение к описываемому [10]. Многие окказионализмы Маяковского заключают в себе эмоциональную оценку того, что ими выражено: «молоткастый, серпастый советский паспорт», «громадьё» наших планов, «размаха шаги саженьи», «коммунистическое далеко», «бронзы многопудье», «капитал — его препохабие» ... Читая каждое из этих слов, образованных Маяковским, даже вне связи их с текстом стихотворения, читатель ощущает авторское сочувствие или негодование, переданные самой формой слова, оценивает мастерство поэта, умеющего вложить большое содержание в одно единственное слово.

Говоря об окказиональности как лингвистической категории, нельзя не отметить, что именно на XX век приходится расцвет окказиональности и в целом, и в частных проявлениях. Не случаен и тот факт, что именно в начале XX века окказиональное творчество становится одной из ярких примет новаторства. Окказионализмы В. Маяковского, И. Северянина, В. Хлебникова как предчувствие отразили грядущие перемены в объективной действительности, в индивидуальном и общественном сознании. В вышеуказанной работе Г.О. Винокур противопоставляет Маяковского Хлебникову и другим футуристам, которые, по его мнению, искали нового языка искусства потому, что старый (олицетворявшийся символизмом) их не удовлетворял с эстетической точки зрения. Маяковский же искал необходимого ему сближения со стихией городской разговорной речи, языком улицы, которому, как и языку поэзии, «свойственно повышенное, интенсивное переживание языковой формы» [4, с. 400]. Именно в устной форме речи Г.О. Винокур видит источник языкового новаторства поэта. Эту же мысль продолжает В.В. Тренин в работе «В мастерской стиха Маяковского», констатируя, что слово-творчество Хлебникова и словопроизводство

Маяковского исходят из совершенно разных и несоизмеримых принципов. Неологизмы Хлебникова – попытка вырваться за пределы обычного языкового мышления. Маяковский в своем творчестве следует словопроизводственной тенденции живого разговорного языка. В связи с этим интерес представляет также статья В.В. Никульцевой «Идентичные окказионализмы в творчестве Игоря Северянина и Владимира Маяковского», посвященная сравнительному анализу окказионализмов В. Маяковского и И. Северянина [11].

Стихи для детей являют особый пласт творчества В.В. Маяковского, для которого характерны те же особенности, что и для других его произведений. «Конечно, новообразования в стихах для детей встречаются реже, чем, скажем, в поэмах или пьесах, и их строение проще», – замечает в своей статье «Окказионализмы в стихотворениях В.В. Маяковского для детей» А.Ю. Астафьев [12]. Он объясняет это временем создания произведений: тенденция к сокращению окказионализмов будет характерна вообще для периода 1925–1930 гг. (а именно в этот период и создавались произведения для детей). Во-вторых, если брать в качестве критерия понятность окказионализмов, то здесь значимость приобретает адаптация их под детское восприятие, следовательно, не радикальное, а частичное изменение узуальных слов. Наблюдения показывают, что при создании стихотворений для детей Маяковский использует меньше окказионализмов, чем характерно для его творчества в целом.

Своим названием привлекает внимание статья Надежды Мировой «Жив ли Маяковский?» [13]. В начале статьи автор после вопросов: Жив ли Маяковский? Есть ли понимающий и любящий его поэзию читатель? – пишет: «Судьба литературного произведения зависит от читателя, оно живет в его восприятии, роль читателя «сотворческая». И далее обращается к словам О. Мандельштам: «читать стихи – величайшее и труднейшее искусство, и звание читателя не менее почтенно, чем звание писателя». Статья посвящена непростой и трудной творческой судьбе поэта, полемике с критиками. Актуальность этой работы в том, что автор, анализируя творчество Маяковского, в заключении делает вывод о том, что только изучая поэта, так сказать, «в полном объеме» в 11-м классе, начиная с 7-го класса, ученики постепенно постигают его поэтический язык.

Окказиональные новообразования Владимира Маяковского интересны не только своим строением, экспрессивной окраской, но и, несмотря на прошедшие десятилетия, постоянной актуальностью.

А.Ю. Астафьев в статье «Актуальность окказионализмов В.В. Маяковского» пишет о том, что «Проблемы современности, поднятые поэтом на страницах его произведений и отраженные в окказионализмах, увы, не только не потеряли своей злободневности, а, напротив, еще острее встали перед обществом» [14]. Свои мысли автор статьи иллюстрирует окказиональными словами из стихов поэта «Облака в штанах», «Внимательное отношение к взяточника», «Бюрократида», «Хулиган» и «Хулиганщина» и подчеркивает, что окказиональные новообразования усиливают негативное впечатление и придают строкам живость и выразительность, а обозначенные проблемы живут и в современном мире.

Языковое творчество Владимира Маяковского, безусловно, представляет интереснейшее явление и заслуживает пристального внимания к себе со стороны читателей и исследователей.

Литература

1. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 211–213.
2. Цветаева М. Эпос и лирика современной России. – М., 1932.
3. Гиндин С.И. Маяковский: стих, синтаксис, стиль // Русский язык. – 2003. – № 27–28.
4. Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка // О языке художественной литературы: учебное пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т.Г. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 317–407.
5. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. – М., 1995. – С. 363–395.
6. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007. – С. 284.
8. Хан-Пири Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. – М.: Наука, 1966.
9. Хан-Пири Э. Метафоричность окказионального слова // Русская речь. – 1998. – № 3.
10. Тренин В.В. В мастерской стиха Маяковского. – М.: Советский писатель, 1978.
11. Никульцева В.В. Идентичные окказионализмы в творчестве Игоря Северянина и Владимира Маяковского // Русский язык в школе. – 2004. – № 1.
12. Астафьев А.Ю. Окказионализмы в стихотворениях В.В. Маяковского для детей // Русская речь. – 2012. – № 3.
13. Мировая Н. Жив ли Маяковский? // Литература. – 2001. – № 1.
14. Астафьев А.Ю. Актуальность окказионализмов В.В. Маяковского // Русская речь. – 2005. – № 6.

Поступила в редакцию 12.08.2013